

**В СЕРИИ
«ИНСТИТУТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Трёхглавый орёл
Ищущий битву
Колесничие фортуны
Закон Единорога
Крестовый поход восвояси
Все лорды Камелота
Чего стоит Париж?
Воронья стража
Сеятель бурь
Железный сокол Гардарики
Время наступает
Фехтмейстер
Лицо отмщения
Сын погибели
Внутренняя линия
Башни земли Ад
Заря цвета пепла
Семена огня
Корни огня
Крона огня

Свержин В.М.

ЗАРЯ ЦВЕТА ПЕПЛА

T8 RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
С24

Институт экспериментальной истории

Свержин В.

С24 Заря цвета пепла / В. Свержин – М.: Т8 Издательские технологии/RUGRAM, 2019. – 458 с.

ISBN 978-5-521-74159-5

Кровавые события Великой Французской Революции разворошили европейский муравейник. Столкновения интересов сторонников и противников новой Франции достигли небывалой остроты. Всё крутится вокруг Наполеона Бонапарта. Этот молодой генерал — ключевая фигура. Опытные сотрудники Института Экспериментальной Истории Вальдар Камдил и Сергей Лисиченко по прозвищу Лис отправляются в Париж — разобраться в хитросплетениях интриг и аккуратно направить ситуацию в безопасное русло.

УДК 82-312.9
ББК 83.3(2)
BIC FLC
BISACFIC009000

ПРОЛОГ

Маленькая рыбка лучше большого червя.

Апостол Андрей

Лорд Баренс нажал кнопку на пульте и произнес бархатистым голосом царедворца:

— Обратите внимание...

— Спаситель обращал воду в вино, Мерлин — одного мужика в другого с целью создания третьего. Во что будем обращать внимание? — Сергей Лисиченко придал лицу выражение насмешливой заинтересованности.

— Пока что в молчание, — с легким недовольством ответил гуру разработчиков Института Экспериментальной Истории.

— Не, ну это как-то совсем не прикольно...

— Лис, погоди! — прервал друга Вальдар Камдил, готовый с надлежащим почтением выслушать, ради чего их, входящих в десятку лучших институтских оперативников, вытащили из тренировочного зала пред ясны очи научных светил.

Между тем экран ожил, открывая взорам кабинет, убранный с царской роскошью в довольно строгом стиле. За сто-

лом, склонившись над бумагами, сидел человек в зеленом, с высоким красным воротом, камзоле, пудреное белое парике и что-то писал отточенным гусиным пером.

Послышался негромкий стук, дверь приоткрылась.

— Ваше императорское величество, позвольте доложить. Прибыл граф Суворов.

— Зови.

— Но... — докладывающий замялся, — позвольте сказать. Его сиятельство одет не по форме: в мундир времен покойной государыни.

Император вышел из-за стола, оглядел склонившегося перед ним вельможу и процедил сквозь зубы:

— Что он смутяня, я знаю. Касательно же сути — граф Александр Васильевич стоит десятков иных военачальников, одетых надлежаще. Зови!

— Это что же, Павел Первый, он же последний? — уточнил Лис.

— Он самый, — подтвердил лорд Баренс. — А в гости к нему, как вы, несомненно, поняли, сам фельдмаршал Суворов пожаловал.

Между тем придворный скрылся за дверью, а в кабинет стремительно вошел, почти вбежал сухощавый пожилой мужчина, подвижный, словно пламя свечи на ветру, с забавным хохолком седых волос над высоким лбом. Император страдальческим взглядом смерил великого полководца:

— Я вижу, русскому Марсу нет дела до указов царских.

— Опасаюсь, ваше величество, что в мундире том я уж буду не Марс, а статуи Марсовый. В шагу жмет-с и на голову давит. А в таком положении мне службу на благо Отечества исполнять не подобает.

Павел отступил на шаг и отвернулся, чтобы Суворов не увидел его недовольной гримасы. Он искренне считал фельдмаршала одним из главнейших сокровищ короны, но

строптивость и едкие речи лучшего из военачальников выводили его из себя.

Нынешний российский монарх, большую часть дней своих проводивший в размышлениях и военных учениях вдали от роскошного двора Екатерины, был убежден, что все решают порядок, железная дисциплина и чинопочитание. Чуть в сторону, и совершенное строение рухнет! Суворов же все делал насупротив, и не втолкуешь. Однако ж, как бить врага, так виктория неизменно сопутствовала ему.

Сочтя за благо на сей раз пренебречь формальностями, Павел вперил в собеседника немигающий взгляд.

— Мой августейший собрат, император Священной Римской империи, и его кригсрат, сиречь военный совет, желали бы видеть вас, Александр Васильевич, во главе союзной армии. Она же отправляется в италийские владения Австрийской империи, дабы изгнать неприятеля, искоренив тем самым ядовитую поросль вольтерьянства, и остановить кровавое безумие, именуемое этими гнусными цареубийцами революцией. Что скажете?

— Я польщен их выбором и верю, что русский штык над французским всегда возобладает.

— Что вам известно, господин фельдмаршал, о генералах, которые будут противостоять нам? — Камера бесстрастно зафиксировала пытливый взгляд Суворова, брошенный на императора. Старому полководцу было чему дивиться: никогда еще монархи не интересовались его мнением о личных качествах противника. Да и какое им, по сути, дело — враг сокрушен! Гони супостата! Виктория! Господу хвала!

По-своему оценив повисшую паузу, государь подошел к Суворову так близко, что тот даже чуть отстранился.

— Генералы там и впрямь хороши. В последнюю кампанию союзникам нашим, австриякам, они знатных тумачков надавали. И Бернадот силен, и Массена, и Мюрат, конник

отменный. Но, позвольте угадать, ваше величество, уж не молодой ли Бонапарт вас столь заинтересовал?

— Ага, доблестнейший Александр Васильевич, и от вашего взора также не укрылись подвиги нового Ганнибала?! Впрочем, в сокрушении Рима он преуспел даже больше, нежели его античный предшественник.

— Так ведь и Рим уже не тот. Но резвый юноша, что и говорить. Широко да бойко шагает, как бы панталоны не порвать.

— Он что же, по-вашему, из случайных баловней успеха? — насторожился Павел.

— В его кампаниях, беспрерывно, виден тонкий замысел и умение доводить начатое до победного конца. Качество для полководца из самых главных. Но ваше величество правы, корсиканцу определенно благоволит удача. Среди тех, чьи имена звучали в последние годы, чьи воинские успехи случалось наблюдать или о них слышать, этот француз — наипервейший.

— Как вам представляется, так ли этот генерал верен разбойной шайке, захватившей власть во Франции?

— Насколько мне известно, Наполеон вел себя в Италии не как генерал Республики, а как самовластный монарх. Вряд ли такому человеку в радость смиренно гнуть шею перед шайкой каких-то судебных крючков. А при случае решительности ему не занимать.

— Вот и мне сие представляется маловероятным, — просиял император. — Намедни я имел беседу с принцем Конде, вы, как мне кажется, знакомы.

— Так и есть, ваше величество, помню еще с Семилетней войны. Дельный командир.

— Как вам известно, мы предоставили ему и его корпусу, сформированному из эмигрантов, убежище неподалеку от Риги. Так вот, принц тоже склонен полагать, что сей Бо-

напартий, несмотря на медные трубы и лавры, ему расточаемые, скорее противник шайки кровавых интриганов, имеющих себя Директорией, нежели ее верный меч.

— А как же пушки на паперти Святого Роха¹? Ведь он стрелял в роялистов².

— Это верно. Пожалуй, для сторонников короля было бы лучше, затеяв мятеж в Париже, иметь столь решительного и умелого генерала на своей стороне. Но, увы, они этим не озаботились. Нам же предстоит спешно исправить сию, воистину роковую, ошибку. Принц Конде разделяет мое мнение. Если затея удастся, то в момент, когда мы пошлем своих чудо-богатырей в Австрию и далее, в Италию, вынуждая французов направлять туда все новые войска, сей генерал без особого труда сбросит в Сену этих отвратительных республиканцев. — Павел хлопнул ладонью о стол. — Вот так мы их расплющим, почтеннейший Александр Васильевич!

— Гладко было на бумаге, да забыли про овраги...

— Ни о чем не забыли. — Император назидательно провел пальцем перед носом полководца. — Ни о чем!

— Как изволите, ваше величество. Могу ли я идти?

— Покуда идите, не смею удерживать. Вечеру жду вас к ужину.

Суворов поклонился и вышел.

— Мундир смените! — неслоь ему вслед.

— Ну что я могу сказать, — слышался голос Лиса, — текст бредовый, но грим хороший. Буквально как вылитые.

— О чем ты, Сергей? — удивился Баренс.

— Ну, я думал, может, какое историческое кино снимают, нас консультантами по эпохе пригласили.

¹ Разместив орудия возле церкви Святого Роха в Париже, республиканский генерал Наполеон утопил в крови восстание роялистов.

² Роялисты — сторонники королевской власти.

— Это оперативная съемка, — покачал головой лорд Джордж, — смотрите дальше.

Суворов вышел, и, едва закрылась дверь за его спиной, одна из тяжелых бархатных портьер сдвинулась в сторону, и оперативники увидели отражение в зеркале на стене.

— Колонтарев!¹ — не сговариваясь, выдохнули Лис и Камдил.

— Браво, друзья мои, браво! Дорогой племянник, — Баренс поглядел на Вальдара, — я уверен, ты не забыл свою первую институтскую операцию. Это действительно Колонтарев, ныне — личный советник императора по вопросам тайной политики.

— Вы все слышали?

— Все до слова, ваше величество, — склонил голову стационарный агент института. — Оценка графа Суворова не оставляет места для дальнейших колебаний.

— После недавней встречи с принцем Конде я убежден, что он станет искать способ склонить генерала Бонапарта на сторону Бурбонов. В высшей степени разумно, однако нам не с руки оказаться в роли обезьяны, которая таскает каштаны из огня. Мы и так дали приют брату несчастного короля, упокой Господь его душу, и принцу Конде. Если теперь мы и станем участвовать в восстановлении французского трона, сей шаг имеет быть выгоден в первую очередь нам. Нам, а не потомкам веселого короля Генриха и уж тем паче не австриякам с британцами. Союзники-то они союзники, да надо понимать: прежде старый козел начнет давать молоко, чем от таких союзников впредь нам будет выгода. Нынешнее положение дел — причуда высокой политики, не более того. А потому, мой добрый друг, я полагаю наш интерес в том, чтобы сей резвый корсиканец возвел на трон законного наследника престола. Однако служить при этом он должен нам. Уж во всяком случае,

¹ Подробнее см. роман Владимира Свержина «Трехглавый орел».